

несложно. В этом тоже правда есть, потому что цель или даже форма христианской жизни не в том, чтобы жить так или эдак, а в том, чтобы жить одной samozабвенной, пламенеющей, причем не своей, а Божией любовью.

И вот в этом смысле, я думаю, много нам надо еще подумать о том, как вести свою жизнь в мирских условиях, то есть о технике этого, о том, что можно применить формально и что можно применить только по духу, ища формы. Но я думаю, что все Евангелие осуществимо в жизни, в обыкновенной мирской жизни; только не надо пробовать жить в миру, будто ты живешь в пустыне или будто ты живешь в монастыре, потому что тогда получается не следование Христу, а обезьянничанье с какого-то образца. Думаю, все мы это делаем в какой-то момент жизни; мы вдруг решаем быть пустынноником или чем-то вроде, и стараемся себя подогнать или жизнь подогнать под это. Но это не нужно»⁹⁵.

Как подчеркивается в Житии св. Григория Паламы: «Все беды в Церкви связаны, в конце концов, с тем, что какие-то тайны веры становятся отвлеченными, переставая быть живыми насущными вопросами, решающими нашу судьбу, и мы теряем глубину веры, полноту христианского призвания, которое должны осуществить в Церкви»⁹⁶.

Будем же с твердою верою и надеждою на будущее блаженство всеми силами стараться об исполнении наставлений апостола. Он всем нам и теперь продолжает говорить, как говорил коринфянам почти две тысячи лет назад: «Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуславляйте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом» (1 Кор. 15, 58).

Пивоваров Д. В.

*Общее понятие и философско-религиозная
сущность теологии*

Термин «теология» имеет разные смыслы. Его первый смысл — *нормативная теология*, то есть свод неизменных положений Священного Писания; она есть само Слово Божие и потому предельно авторитетна среди единоверцев. Второй и самый привычный смысл теологии — *derivативная (выводная) теология*, представляющая собой логически выстроенную систему

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Св. Филофей Коккин, патриарх Константинопольский. Житие Святителя Григория Паламы// <http://www.pravoslavie.ru/kalend1/posi/vs2.htm>.

рассуждений комментаторов Писаний, человеческое слово о Слове Божьем. Ее идейное содержание варьируется в зависимости от актуализации жизненных тем и проблем. Полнокровная деривативная теология возможна лишь в рамках монотеистического учения о личностном Боге, адресующем свое Слово человеку (авраамические религии).

В первую очередь и в узком смысле под деривативной теологией традиционно понимают только христианское систематическое богословие. Оно восходит к древнегреческой мифологии и философии, но его язык, главный метод и принципы заданы отцами христианской церкви. Патристика субординировала две истины о Боге — низшую, открываемую человеческим разумом в форме философского суждения о Святой Троице, и высшую, божественную истину. Специфический веровательный профиль и умозрительность христианской теологии затрудняет ее экстраполяцию на нехристианские вероучения. В более широком, но непривычном смысле деривативную теологию иногда формально распространяют на все религиозные мировоззренческие системы. Тогда ее определяют либо как попытку верующего рационально объяснить основания личной веры, либо как стремление любой конфессиональной группы осознать свою целостность и вписать максимы веры в контекст светских отношений. В этом смысле можно говорить даже о теологиях древних религий или атеистического буддизма.

Наконец, в самом широком и нейтральном смысле деривативная теология порой получает характер внеконфессионального рассуждения о сакральном отношении человека к абсолюту. Руководствуясь изречением М. Мюллера «кто знает только одну религию, тот не знает ни одной», современный внеконфессиональный теолог сопоставляет разные религии и ищет в плюрализме верований некий религиозный архетип. По своим намерениям внеконфессиональная теология имеет тенденцию смыкаться с академической философией религии, но отличается от последней духом религиозной сакраментальности и обильным цитированием священных книг. Именно такую теологию предпочитают беспристрастно преподавать студентам в вузах тех многоконфессиональных стран, где по закону церковь отделена от государства, а школа — от церкви.

Деривативная теология менее авторитетна, нежели нормативное богословие. Ей обычно свойствен абстрактно-логический подход к религиозной доктрине, сопряженный с религиозным чувством. Ее выводы, даже если они широко известны и доступны пониманию любого верующего, вовсе не обязательны для единоверцев. На выводах богослова, теоретически

разъясняющего религиозную доктрину, запечатлена его индивидуальность. В большинстве случаев деривативные теологии имеют церковное происхождение. Они вторичны относительно наследия тех великих пророков, от которых берут начало соответствующие религиозные традиции. Нет деривативной теологии как единой дисциплины, подобной физике; всякая выводная теология надстраивается над особым видом развитого монотеизма и впитывает в себя ту или иную философскую концепцию.

Конфессиональное богословие — это критическое отражение жизни и мысли религиозной общины, и оно всегда может подвергаться пересмотру и исправлениям. Выводная теология двойственна, поскольку она теоретически опосредует отношение между специфической религией и светской философией. С одной стороны, такая теология выполняет функцию идеологической защиты и рационального обоснования вероучения, которое питает ее духовно и психологически и с которым богослов чаще всего связан конфессиональными узами. С другой стороны, теолог находится в сравнительно свободном философском поиске. Из множества философских альтернатив, созвучных умонастроению и мировоззрению близкого ему сословия современников, он выбирает и переосмысливает подходящий концептуальный инструментарий.

Посредническая биполярность выводной теологии — палка о двух концах. Наличие у теологии философского полюса не только стимулирует свободомыслие богослова и умножает его возможности выразить личное кредо средствами разума, но также порождает опасность ереси, инакомыслия, пересмотра традиционного вероучения. Поэтому молодые религии защищаются от ревизионизма наложением гласного или негласного запрета на отвлеченное богословие. Например, лишь на 150-м году своего существования монотеистическая Вера Бахаи объявила о готовности развивать собственную теологию. Конфессиональная теология, с одной стороны, подчиняется авторитету устава и исполняет заказ клира, а с другой стороны, пытается бороться с церковными ограничениями.

Чем больше самостоятельно мыслящий теолог поглощен философской частью своего исследования, тем меньше его волнуют узко-конфессиональные задания. Привлекая к своим сочинениям внимание широкой публики, выдающийся теолог тем самым способствует росту массового интереса и симпатии к той церкви, которой он служит. Поэтому церковь (если она прочно укоренена в обществе и надежно защищена от ересей) постоянно нуждается в собственных оригинальных мыслителях и поощряет их деятельность. Напротив, если богослов не оригинален в философском отношении и если его

труды мало чем отличаются от катехизиса и комментариев по поводу принятых доктрин и догматов, то публика им совсем не интересуется, и интеллектуальная польза от него для церкви невелика. Впрочем, карьера такого богослова может быть вполне безоблачной, не омрачается идейными конфликтами с церковными властями.

Вместе с тем незаурядного богослова почти всегда подстерегает опасность впасть в ересь. Велика вероятность того, что под влиянием философии, развиваемой богословом, его нетривиальные взгляды начнут противоречить установившемуся церковному учению. Поэтому религиозные организации бдительно контролируют и по мере надобности ограничивают творчество своих богословов. Явных еретиков подвергают яростной критике, преследуют, проклинают, исторгают из лоно церкви. Теологам, склонным к менее опасным вероучительным отступлениям, выносят предупреждения и другие церковные наказания. Некоторых «идейно заблудших» посмертно реабилитируют и даже возносят на пьедестал чести, если их произведения продолжают пользоваться широким спросом. Характерный пример амбивалентного отношения церкви к выдающемуся богослову — оценки, прижизненная и посмертная, орденом иезуитов учения П. Т. де Шардена. Аналогичные примеры — противоречивые оценки Русской православной церковью богословского наследия П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова.

Деривативная теология ныне испытывает кризис и начинает отказываться от схоластики, от томистско-аристотелевских принципов и логического выведения следствий из истин Писания. Прежняя теология желала быть дедуктивной, абстрактной, статичной, универсальной, применимой везде и во все времена. Нынешняя теология заметно становится эмпирической наукой, опирается на исторический подход, интуицию и ориентируется на данные, которые содержатся в Священном Писании и Традиции. В ней появилось множество новых образов, понятий, слов, сопряженных с трансцендентальным методом И. Канта (ранее осуждаемым Ватиканом) и «антропологическим поворотом» в философии.

В своих поисках новых методологических оснований современная теология все больше перемещает акцент на земную жизнь и восходит к понятию Бога от понятия эволюционирующего человека. Вслед за П. Тиллихом и Дж. Робинсоном, Бог начинает пониматься протестантскими теологами не как «высота», а скорее как «глубина». Эмпирическая теология размышляет о практической стороне религии. Фундаментальный феномен религиозной практики — *обращение личности*. Поэтому Б. Лонерган, канадский

католический богослов, предложил обновлять теологию прежде всего через рефлексию по поводу феномена религиозного обращения личности. Он рассматривает обращение как продолжающийся процесс, одновременно личностный, общественный и исторический, то есть как совпадающий с живой религией. По его мнению, теология сегодня должна больше интересоваться не человеческой природой, а о человеческой историей.

Поскольку теология есть не только философствование, но и искание лика Божьего, то в психологическом смысле, по словам С. С. Аверинцева, «любой просчет в отношениях с личным, водящим, любящим и гневающимся Абсолютом представляет абсолютную опасность. <...> Впавший в ересь совершает не отвлеченную мыслительную ошибку, но бесконечный по своим последствиям личный проступок в своих взаимоотношениях с Богом» (Аверинцев С. С. Теология // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 201). Нередко приверженность и строгое следование определенной философской системе препятствует развитию богословия. Например, господство учения Аристотеля в XIII—XVII вв. было в известной мере пагубным как для науки, так и для богословия. Богословие заметно прогрессирует только на фоне плюрализма философских систем и разнообразия опыта. Христианство или ислам невозможно подогнать под какую-нибудь одну философию. Хороший богослов не соглашается безоговорочно с метафизикой, а видоизменяет и приспособливает ее для своих целей.

Разин А.В.

Страх Божий как основание религиозного чувства: библейские представления и отеческая письменность

Отношения между человеком и Богом в христианском понимании являются глубоко таинственными, то есть мистическими, исходя из самой тайны Божества и личностного начала человека, как существа сотворенного по «образу и подобию» Божию. История-опыт этих отношений составляет христианское Предание, в котором, по данному дару слова, именуется пути богопознания и в нем же осуществляются. Как и все в христианстве, Предание лично, - богопознание как общение с Богом происходит через усвоение исторического опыта богопознания в его личностной, экзистенциальной актуальности.